

УДК 332.1+339.9

JEL E22, O43

И.П. Глазырина^{1,2}, Л.М. Фалейчик^{1,2}, А.А. Фалейчик²

¹Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, Чита, Россия

²Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

Прямые иностранные инвестиции и институциональная политика на Дальнем Востоке России

Аннотация. Изучаются инвестиционные потоки и их влияние на диверсификацию региональных экономик восточных субъектов РФ в условиях новых институциональных стимулов, созданных в рамках государственной политики на Дальнем Востоке после 2013 г. Показано, что к настоящему времени прямые иностранные инвестиции, стимулы для которых были призваны создать новые дальневосточные институты, не внесли существенного вклада в развитие современной высокотехнологичной экономики в восточных регионах.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, диверсификация экономики, институциональная трансформация

I.P. Glazyrina^{1,2}, L.M. Faleychik^{1,2}, A.A. Faleychik²

¹Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology, SB RAS (Chita, Russia)

²Transbaikal State University (Chita, Russia)

Foreign Direct Investment and Institutional Policy in the Russian Far East

Abstract. We study investment flows and their impact on the diversification of regional economies of the eastern constituent regions of the Russian Federation in the context of new institutional incentives created as part of state policy in the Far East after 2013. It is shown that to date, foreign direct investment, incentives for which were designed to create new Far Eastern institutions, did not make a significant contribution to the development of a modern high-tech economy in the eastern regions.

Keywords: foreign direct investment, economic diversification, institutional transformation

На Востоке России сосредоточены значительные объемы востребованных на мировых рынках сырьевых ресурсов. Однако отток населения, крайне необходимого для развития этой части страны, не прекращается. Такая ситуация обусловлена исторически сложившимся отставанием восточных территорий по уровню и качеству жизни. Для преодоления негативных тенденций с 2013 г. по инициативе федеральных властей начался переход к новой модели развития Дальнего Востока и Байкальского региона. В 2012 г. создано Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока, затем появились и другие «дальневосточные институты развития»: «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики», «Фонд развития Дальнего Востока», Российско-китайский инвестиционный фонд и др. Разработаны специальные инструменты поддержки инвестиционных проектов, которые также можно считать «институциональными новациями».

Роль инвестиций в процессах развития стран и регионов является предметом многочисленных исследований, при этом особое место отводится прямым иностранным инвестициям (ПИИ). По мнению [Минакир, Прокапало, 2018], в развитии дальневосточных регионов более значимым, чем инвестиционная поддержка, является фактор качества институтов, а новый режим управления характеризуется как совокупность «экстрактивных» институтов. В статье [Минакир, Найден, 2020, с. 57-58] сделан вывод о том, что «неудачи в стабилизации демографического потенциала и развитии социальной системы на Дальнем Востоке связаны с неверным акцентом государственной политики в этой области на «институциональное регулирование».

Убедительные аргументы в пользу гипотезы об «экстрактивном» характере новых институтов даны в работе [Antonova, Lomakina, 2020]. В ней показано, что главный поток инвестиций направляется в ресурсные проекты, и более того, новые институциональные инструменты развиваются и постепенно модифицируются в интересах крупных сырьевых компаний. Ясно, что это вряд ли способствует диверсификации экономики. Однако на этот счет тоже нет единой оценки: поскольку на востоке сырьевая специализация сложилась исторически, может быть, нет необходимости в диверсификации?

Цель нашей работы – оценить влияние институциональных изменений на Востоке России на количественные и качественные характеристики ПИИ, а также выяснить, какова их роль в контексте диверсификации экономики.

Исследование выполнено на основе открытой официальной статистической информации Федеральной службы государственной статистики и Банка России с использованием ГИС-технологий, сравнительного анализа и экономико-статистических методов. Анализируются показатели субъектов РФ, входящих в ДФО и БР: Республики Бурятия и Саха (Якутия), Забайкальский, Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Магаданская и Сахалинская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ. Все межрегиональные сравнения и сопоставления выполнены в сопоставимых ценах, с использованием региональных Индексов физического объема инвестиций в основной капитал и Индексов физического объема валового регионального продукта.

Одна из основных целей дальневосточных институциональных новаций состояла в создании благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций: была надежда, что в большей степени, чем раньше, будут реализованы преимущества географического положения для экономических связей с государствами АТР в соответствии с объявленным «поворотом на Восток». Но эти ожидания оправдались лишь в незначительной степени. Объемы поступивших инвестиций действительно выросли, но большая часть их направляется в сырьевые проекты, реализация которых не оказывает существенного влияния на структуру экономики и на рост благосостояния жителей.

Кроме того, расчеты показали, что если между подушевыми инвестициями из всех источников и скоростью экономического роста в регионах на Востоке России наблюдается некоторая регрессионная связь, то корреляция между объемом ПИИ и ростом ВРП за период 2000-2019 гг. практически отсутствует. Сравнение с расчетами, представленными в статье [Глазырина и др., 2020], показывает, что и в период после 2011 г. мы не видим существенных изменений.

Особенности географии ПИИ, отмеченные в [Изотов, 2018] для периода 2015-2017 гг., сохранились и к 2020 г. Основными «донорами» ПИИ остались оффшорные компании, на которые в Сахалинской области пришлось более 98% накопленных инвестиций. Несмотря на репутацию КНР как «стратегического партнера» для России, инвестиционные потоки из нее трудно определить как значительные и существенно влияющие на развитие восточных регионов нашей страны.

Трансграничная кооперация в форме ПИИ в рассматриваемый период не внесла существенного вклада в диверсификацию экономики восточных регионов. Доли ПИИ, направленных в обрабатывающую промышленность, сельское хозяйство, строительство, торговлю, деятельность гостиниц и ресторанов, индустрию развлечений, с 2015 г. составляли, как правило, не более 1% от общероссийских значений в соответствующих отраслях. Поэтому вряд ли мы можем полагать, что к настоящему времени ПИИ, стимулы для которых должны были создать новые дальневосточные институты, внесли существенный вклад в развитие современной высокотехнологичной экономики в восточных регионах.

Вероятно, было бы преждевременным делать из этого вывод о бесполезности усилий по привлечению ПИИ в восточные регионы. Однако важно подчеркнуть, что даже очень масштабный поток инвестиций сам по себе не приводит автоматически и быстро к формированию устойчивой и процветающей экономики.

«Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (от 13 февраля 2019 г.) относит все дальневосточные регионы к «приоритетным геостратегическим территориям» страны. В ней сформулирована задача содействовать «повышению конкурентоспособности региональных экономик с учетом перспективных экономических специализаций». Однако мы разделяем сомнения В.Н. Зубаревич [Зубаревич, 2019] в осуществимости заявленных целей Стратегии в существующих экономических условиях. В любом случае ясно, что «дальневосточная» институциональная трансформация не изменила «экстрактивного» характера [Минакир, Прокапало, 2018] экономических (и политических) институтов. Мы полагаем, что на первый план выходит задача постепенной трансформации институтов в сторону повышения их «инклюзивности». Интеграция на уровне регионов инвестиционной политики и политики поддержки предпринимательства может стать существенным шагом на этом пути, если дальневосточные институты развития будут «переформатированы» (хотя бы частично) для решения такой задачи, обеспечивая необходимые ресурсы.

Вопрос об адекватных задачах развития институтов в ресурсных регионах России достаточно активно обсуждается в научной литературе уже два десятка лет. Одним из центральных аспектов дискуссии является сомнение в необходимости дальнейшего усиления дальневосточных структур и разработки новых форм преференций в рамках ТОР. В качестве альтернативы рассматриваются укрепление базовых институтов на всей территории страны, общее снижение уровня налогов на труд и повышение ресурсных платежей при сохранении общей налоговой нейтральности. В любом случае, задача институционального проектирования для восточных регионов оказалась более сложной, чем создание институтов, обеспечивающих привлечение инвестиций, в том числе ПИИ. Высказывается мнение, что она требует, помимо политической воли, значительного участия научного сообщества [Пармон и др., 2020]. «Институты не приходят бесплатно» [Marshall, 2013, с. 185], поэтому вопрос об их результативности в контексте соответствия результатов заявленным целям требует дальнейшего изучения, в этом видится основное направление дальнейших исследований.

В работе представлены результаты, полученные в рамках Программы ФНИ СО РАН, тема FUFRR-2021-0001, № госрегистрации 121032200126-б, и проекта РФФИ № 19-010-00485

Литература

1. Минакир П.А., Прокапало О.М. Дальневосточный приоритет: инвестиционно-институциональные комбинации // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2018. – № 2. – С. 146–155
2. Минакир П.А., Найден С.Н. Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефект идей или провал институтов? // Регион: Экономика и Социология. – 2020. – № 3 (107). – С. 30-61
3. Antonova N.E., Lomakina N.V. Institutional innovations for the development of the east of Russia: effects of implementation in the resource region // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 13, № 4. – С. 442-452
4. Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Фалейчик А.А. Инвестиции и трансграничная кооперация на Востоке России // Регион: Экономика и Социология. – 2020. – № 4 (108). – С. 202-234
5. Изотов Д.А. Инвестиционное сотрудничество Дальнего Востока России с субглобальными экономическими структурами в условиях рецессии национальной экономики // Пространственная экономика. – 2018. – № 1. – С. 138–153
6. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 135–145
7. Пармон В.Н., Крюков В.А., Селиверстов В.Е. Трансграничные взаимодействия на Востоке России: научное сопровождение и задачи Сибирского Отделения РАН // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 2 (106). – С. 226-258
8. Marshall G.R. Transaction costs, collective action and adaptation in managing socio-economic system // Ecological Economics. – 2013. – V. 88. – P. 185-194